

# ПРО ЛЕНИВЫХ И РАДИВЫХ

Д



10

~~8835~~

~~73565~~ ~~73568~~

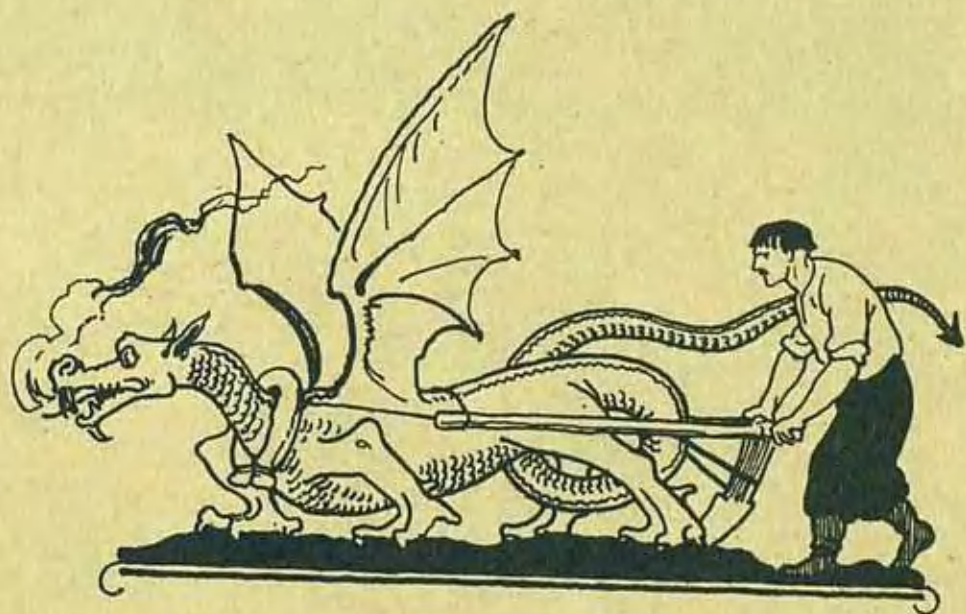
~~ИЗДАТЕЛЬСТВО  
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"  
БИБЛИОТЕКА~~

П78

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА  
ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

# ПРО ЛЕНИВЫХ И РАДИВЫХ

СКАЗКИ



Издательство  
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»  
Москва 1970

73565

РС  
П78

~~52504~~  
52508

694924. Кхлер

Российская государственная  
библиотека

Рисунки Б. Дехтерёва

7-6-2

28 47

~~ИЗДАТЕЛЬСТВО  
"Детская литература"  
БИБЛИОТЕКА~~

к



## ВАНЮШКА И ЦАРЕВНА

*Русская сказка*

Жила-была в одной деревне крестьянка Мária. И был у неё сынóк Ванюшка. Хороший вырос парень — красивый, здоровый, работающий. Вот приходит он как-то раз к матери и говорит:

- Матушка, а матушка...
- Чего, дитятко?

— Ма́тушка, я же́ниться хочú.

— Так что ж, же́нись, Ва́нюшка, же́нись, ягоди́ночка. Невéст-то вся́ких мно́го: есть в на́шей дере́вне, есть в сосéдней, есть в залéсье, есть в зарéчье... Выби́рай люби́ю.

А Ва́нюшка отве́чает:

— Нет, ма́тушка, не хочú я же́ниться на про-сто́й-то крестья́нке, хочú же́ниться на ца́рской до́чке.

Удиви́лась Ма́рья:

— Ой, Ва́нюшка, чего́ ты надúмал! Не отда́ст за тебя́ царь до́чку-то. Ведь ты про-сто́й мужи́к, а она́, шу́тка сказа́ть, царевна́!

— А почему́ не отда́ть? Я па́рень здоро́вый, рабо-тя́щий. Мо́жет, и отда́дут.

— Ну что ж, пойдí, Ва́нюшка, попытáй сча́стья. Собрала́ ему́ мать котóмку, положи́ла хлéбца ло-мо́ть — пошёл Ва́нюшка сва́таться.

Иде́т леса́ми, иде́т гора́ми — смóтрит, стои́т боль-шúщий дворе́ц: стéны золоче́ные, крýша золотáя, на крýше петушо́к золотóй сиди́т, крыле́чки все резные́, око́шки расписные́. Красота́! А кругóм слуг ви́димо-невидимо. Ва́нюшка и спра́шивает:

— Тут царь живёт?

— Тут, во дворе́це, — отве́чают слúги.

— И ца́рская до́чка с ним?

— А куда́ она́ от отца́-то де́нется? И она́ тут!

— Ну так бегите́ к ней, скажи́те: «Пришёл Ма́рьин сын Ва́нюшка». Же́ниться на ней хочú.

Побеж́али слуги. И вы́ходит на крылечко ца́рская до́чка. Ма́тушки, до чего́ же ва́жная! Сама́ толстущая-толстущая, щёки пухлые, краси́ые, гла́зки ма́ленькие — чуть видне́ются. А но́сик такой весёлой пупочкой кве́рху торчи́т.

Погляде́л Ва́нюшка на неё и спра́шивает:

— Ты ца́рская до́чка?

— Ко́нечно, я. Или не ви́дишь?

— Я на тебе́ же́ниться хочú.

— Ну, так что за беда́? Пойде́м в го́рницу-то, побесе́дуем.

Вхо́дят они́ в го́рницу.

А там стол стои́т, самова́р на столе́ и всякое-то, всякое угоще́ние разло́жено. Ну, ца́рь-то бога́то жил — всего́ бы́ло мно́го.

Усе́лись они́. Ва́нюшка и спра́шивает:

— Ты не́веста-то бога́тая? Пла́тьев-то мно́го у теб́я наши́то?

— А ещё́ бы не мно́го! Я ведь ца́рская до́чка. Вот у́тром вста́ну, но́вое пла́тье надену́ — да к зе́ркалу. Погляжу́сь на себя́, полюбую́сь — да к друго́му, в друго́м пла́тье. Да пото́м тре́тье надену́ — да к тре́тьему зе́ркалу. А пото́м — четве́ртое... Вот так це́лый день до ве́чера наряжа́юсь да в зеркала́ гляжу́сь.

— До ве́чера, — Ва́нюшка спра́шивает, — все́ наряжа́ешься? А когда́ же ты рабо́таешь-то?

Погляде́ла на него́ ца́рская до́чка и рука́ми всплесну́ла:

— Работать? Ой, Ванюшка, какое ты слово-то скучное сказал! Я, Ванюшка, ничего делать не умею. У меня все слуги делают.

— Как же,— Ванюшка спрашивает,— вот женюсь я на тебе, поедем мы в деревню, так ты сумеешь хлеб-то спечь? Печку-то растопить сможешь?

Пуще прежнего царская дочка дивится:

— Хлеб? В печку? Да что ты, Ванюшка! Ведь в печке дрова горят, а сунешь туда хлеб — он углём станет. Мне царь-тятенька сказывал, хлеб-то на ёлках растёт.

— «На ёлках»?! Ну, поглядел бы я, где это такие ёлки водятся. Эх, ты! Ну, а скажи-ка мне, ты у отца-то набалованна, есть-пить сладко привыкла? Чай-то как пьешь — вприкуску или внакладку?

Глядит на него царская дочь, головой качает:

— И не вприкуску, Ванюшка, и не внакладку. Я ведь царская дочка, а у нас, у царей, всё не как у людей. Вон у меня в потолке крючок, а с крючка верёвочка висит. Как я захочу сладкого чаю — привяжут мне к этой верёвочке целую сахарную голову. Голова висит над столом, болтается, а я пососую её, да и пью, пососую, да и пью.

Ванюшка и глаза выпучил.

— Это,— говорит,— как же? Каждый день тебе сахарную голову к чаю надо? Да у нас в деревне так чай никто не пьёт. Нет, видно, ты к нашим порядкам-то не приучена... Ну, а скажи-ка мне, хорошая ли ты



рукодѣльница? Нашѣла к свѣдьбе перѣн, подушек, одеял?..

Царская дочка только руками машет:

— Да что ты, Ванюшка! Стану я, царская дочка, на постѣли спать!

— А ты как же, — Ванюшка спрашивает, — без постѣли? На полу, что ли? Или же на сеновал спать бѣгаешь?

— Нет, и не на полу, и не на сеновале. Я ведь царская дочка. У меня, Ванюшка, не постель, а цѣлая комната пухом набита. Войду я в неё — нырну да вынырну, нырну да вынырну... Так вот и сплю.

Ванюшка кусок в рот нес — у него и рука остановилась.

— Это что же, ты мне цѣлую избу пухом набьёшь? Да как же в такой избѣ жить-то станем? Ведь задохнёмся! Ты, может, и привыкла, а нам с матушкой этак несподручно. Нет, видать, ты хозяйка-то плохая... Может, ты хоть грамотна хороша? Так возьму я тебя в деревню, станешь наших ребят в школѣ грамоте учить.

— Ребят? Да что ты, Ванюшка! Опомнись! Стану я, царская дочка, ребят деревенских учить! Да я, Ванюшка ребят терпеть не могу, заниматься с ними ни за что не стану. Да, по правде сказать, я, Ванюшка, и не шибко грамотна.

— Неграмотна? — Ваня спрашивает. — Чего ж ты экая выросла большущая, толстущая, а неучёная?

— Да я, Вáнюшка, две б́уковки-то зная, расписаться могу. Зная б́уковки «Мы» да «Кы».

Поглядёл на неё Вáнюшка:

— Это что ж такое «Мы» да «Кы»? У нас так в деревне и ребята не скажут, не то что взрослый человек.

— А это, Вáнюшка, моё имя и отчество. «Мы» — Миликтри́са, а «Кы» — Кирб́итьевна. Вот две б́уковки-то и есть.

— Чего ж ты всех остальных-то не выучила? — Вáнюшка спрашивает.

Цáрская дóчка губы надула:

— Экой ты, Вáнюшка, нелáдный, всё тебе не так да не этак! Я и то в нашей семье сáмая учёная. Цáрь-то, тятенька, у нас и вóвсе малограмотный...

Сидит Вáнюшка, лоб потирает, про угощенье и думать забыл.

— Да... — говорит, — должен я пойти домой, с матушкой посоветоваться, подходящая ли ты мне невеста.

— Пойди, Вáнюшка, пойди, голубчик. А завтра, верно, назад придёшь: лучше-то меня нигде не встретишь.

Пошёл Вáнюшка домой. Приходит, рассказывает Мáрье:

— Ну, матушка, видел я цáрскую дóчку. Такое, матушка, несчастье: целый день она наряжается да в зеркалá глядится, работать ничего не умеет, гово-

рѣт: «Хлеб и на ёлках растёт». Да чай-то пьёт не по-нашему — целую сахарную голову сосёт. Да спит-то не на постели, а куда-то в пух ныряет да выныривает. Да грамоте не знает. На что мне, матушка, такая невеста!

А Мária смеётся и говорит:

— Ладно, Ванюшка, ладно, ягодиночка. Я сама тебе невесту найду.

Поискала мать в деревне — и нашла сыну невесту Настеньку. Хорошую такую девушку — умницу-разумницу, хозяйку исправную, работающую. Вот женился Ванюшка да и зажил счастливо.

А царская-то дочка с того дня, говорят, каждое утро на крылечко выходила да по сторонам смотрела: где же Ванюшка? Куда ушёл? Чего не возвращается?

А Ванюшка к ней не вернулся. Такая лентяйка, да неумеха, да неучёная, неграмотная — кому она нужна? Да как есть никому!

Так всю жизнь до старости она и просидела. Только вот сказка про неё осталась. Сказка-то по деревням шла, шла, до нашей деревни дошла, а теперь вот и к вам пришла.



## КОБЫЛЯ ГОЛОВА

*Русская сказка*

Жили-были мужик да баба. У них были две дочери: одна мужикова, другая бабова.

Бабка падчерицу свою невлюбила и говорит мужикү:

— Вези свою дочь куда хочешь.

Делать нечего. Повез мужик свою дочку в лес.

Видит, в лесу стоит избушка, а в ней никого нет. Он завёл туда дочь и говорит:

— Ты здесь посиди, а я пойду дров нарежу.

А сам прицепил к двери берёзовую ветку.

Ветер дует, ветка стучит да стучит, а дочь думает, что отец дрова секёт. А отец давно уж дома.

Долго ли, коротко ли, идёт из леса кобылья голова, без ног, без хвоста, подходит к избушке и говорит:

— Девчонка, девчонка, отвори мне ворота!

Девочка выбежала, отворила ворота.

Кобылья голова зашла в избушку:

— Девчонка, девчонка, пересади меня с порога на лавку.

Девочка взяла её и пересадила с порога на лавку.

Кобылья голова говорит:

— Девчонка, девчонка, постели постелью, меня спать уложи.

Девочка постелила постелью и кобылью голову уложила, а кобылья голова ей говорит:

— Полежай ко мне в правое ухо, а в левое вылезь.

Вот девочка влезла ей в правое ухо и вылезла в левое и стала красавицей. Тут к избушке кони с возом добра подъехали — и повезли девочку к отцовскому дому.

Там все так и ахнули. Девочка всех одарила — и отца, и бабу, и бабкину дочь.

Вот баба и говорит мужу:

— Вези мою дочь туда, где твоя была.

Мужик не перёчил. Привёз бабкину дочь в лесную избушку. Завёл её туда и говорит:

— Ты тут посиди, а я схожу за дровами.

Да опять привязал к двери берёзовую ветку. Она колотится, бабкина дочь думает: «Отчим дрова секёт».

Долго ли, коротко ли, идёт кобылья голова, без ног, без хвоста.

— Девчонка, девчонка, отвори мне ворота!

А бабкина дочь ей:

— Не барыня, сама отворишь...

Кобылья голова зашла в избушку:

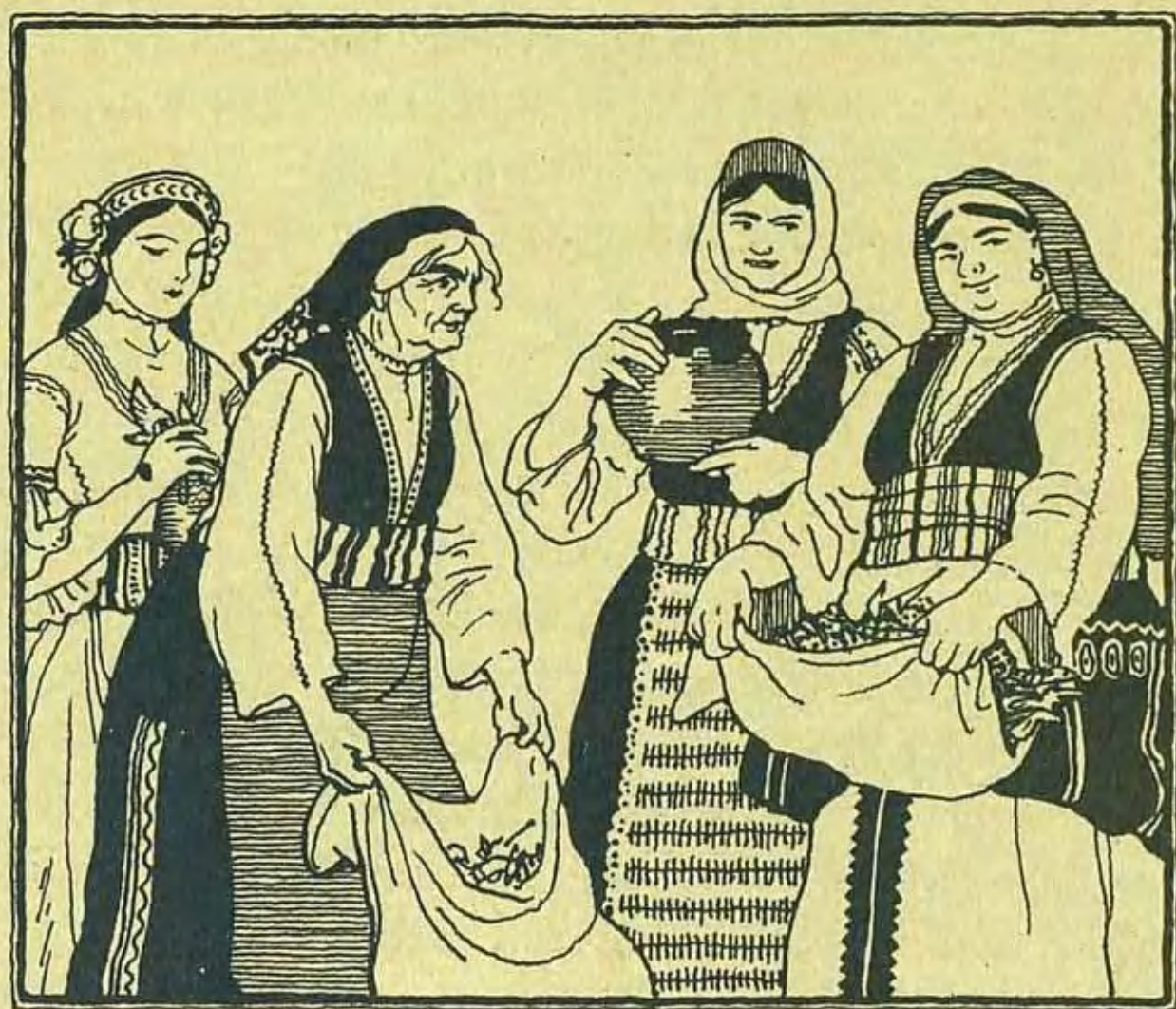
— Девчонка, девчонка, пересадь меня через порог, постели постелю да спать уложи.

А бабкина дочь ей:

— Я и дома не стелю и тебе не стану.

— Девчонка, девчонка,— говорит кобылья голова,— полезай мне в левое ухо, а в правое вылезь.

Бабкина дочь и влезла ей в левое ухо, а из правого вылезла — да не красавицей, а беззубой старухой.



## СЛИВЫ ЗА СОР

*Болгáрская скáзка*

У челове́ка был сад и дом. В саду росли сли́вы, а в до́ме — сын. Сту́кнуло сы́ну два́дцать лет, захотёл сын же́ниться.

Оте́ц ду́мает: «Сы́н до́брый, трудолю́бивый. На́до же́нить его́ на хоро́шей де́вушке, что́бы во все́м была́ ему́ ро́вня. А где таку́ю найдёшь?»

Думал, думал, потом придумал: нагрузил на телегу сливы и повёз продавать по сёлам. Едет, едет, коня подгоняет, а сам кричит очень громко:

— Кому сливы? Берите сливы! Отдаю сливы за сор!

Сбежались бабы:

— Вот невидаль! Рехнулся старик: за сор предлагает сливы!

Женщины, девушки, невесты, бросились по своим домам и давай сор мести. Метут, спешат, стараются: кто наметёт больше сору — и больше слив получит. Ну и сору же намели! Одна тащит мешок, другая — кринку, у третьей — полный передник. Несут старикую; одна перед другой хвалится:

— Гляди, гляди, кумушка, сколько сору я наскребла! Целый год его по углам топтали. Хорошо, что такой чудак приехал, — всё ему за сливы отдам!

— А ты не смотри, что у меня мало. Ещё столько же притащю: чего другого, а сору у меня в доме хватает!

Третья смеётся:

— А мне год собирать — всего не собрать. Столько его набралось, сору-то, — мети, сколько сердце хочет. Смотри-ка, на скорую руку мела, а уже полный мешок. Пускай ребятки сливами лакомятся!

Собирал старик сор да похваливал, всех сливами оделил. Сам смеётся, и бабы смеются. Все доволь-



ны — не мѳгут на радѳваться. Пѳлный воз сѳру набрал, слив почти совсѳм не осталося.

Тут идѳт к немѳ дѳвушка, молодая, красивая — меньше всех сѳру собрала: несѳт егѳ в носовѳм платѳчке.

— Эх, красавица, — говорит старик. — Уж ѳчень мало ты сѳру насобираала. Каких тебѳ еще слив за одну щепѳтку сѳра.

— Ой, дядо, — дѳвушка отвечает, — не жалко мне для вас сѳру, да нѳгде взять. Нет егѳ у меня. И ѳто-то вот сосѳди дали за то, что помогала им подметать.

Как услышал об ѳтом старик, обрадовался. Видит — работающая дѳвушка, чистоплѳтная, раз у неѳ в дѳме нет ни соринки.

«Ну, — дѳмает, — бѳдет она сыну дѳброй хозяйкой!»

Посадил красавицу на воз и погнал коня в свою деревню. Как приѳхал, так и свадѳбу справили. Оженил сына на красавице и не пожалел: до сих пор не мѳжет своѳй снохѳй нахвалиться!



## КУЗНЕЦ И КРЫЛАТЫЙ ЗМЕЙ

*Українська казка*

Жил в старину крылатый змей. Людям проходу от него не было — сразу сожрёт. И спас людей от этого змея один кузнец.

Построил он свою кузницу неподалёку от змеиного логова и стал думать, как змея известить, чтобы тот людей не губил.

А змёю, когда кузнёц стучит своим тяжким молотом, досадно, что идёт от человека такой гул по землё. Полетёл змей к кузнице, а она железными засовами замкнута.

— Эй, кузнёц, ты чего тут шлёпаешь, мне, змёю, спать не даёшь? Я тебя съем.

— Что ж, твоя воля. Разреши только последний раз помолиться.

— Молись!

А кузнёц — за молот и давай гвоздь ковать.

— Что ж ты не молишься, а снова шлёпаешь? — зовёт змей.

— Да это я во время молитвы по наковальне постукиваю, — говорит кузнёц.

— Ну, живее.

— Сейчас.

Вот сделал кузнёц гвоздик.

— Ну, — говорит, — готов я. Но как же, — спрашивает, — ты меня есть станешь? Вот тут, в стенах, железом дырки пробиты, так ты сунь язык, я на него сяду — ты меня и проглотишь.

Змей сунул в дырку язык, а кузнёц хватить гвоздь да и прибил змёю язык к стене. Змей туда, сюда — не оторвется. А кузнёц за уздечку — и взнуздаль змея. Запряг его в соху, пропахал всё поле и змея, ясное дело, уморил. Обрадовались люди, из домов выходили, плечи порасправили и давай лес корчевать, поля распахивать.

694924

17

~~83565~~

Российская государственная  
детская библиотека

~~ИЗДАТЕЛЬСТВО  
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА  
БИБЛИОТЕКА~~



## ХОРОШИЙ ПОРЯДОК

*Українська скáзка*

Жили себе муж с женой. И росла у них маленькая дочка, красивая, пригожая. Родители были люди зажиточные, дочку холили, нежили. Вот и вырастили белоручкой. Делать ничего не умеет. Только и знает наряжаться да плясать.

Отец с матерью, глядя на неё, тужат, сетуют:

— И в когó она ленивая, нерадивая уродилась? Замуж выйдет — нагорюется, и мужу с такой женой жить — горе горевать.

А женихи тут как тут. Один, другой, третий сватаются. А отец с матерью перво-наперво женихам говорят:

— Мы свою дочь всяким добром наделим, богатое приданое за ней дадим, только пусть она у вас не работает. Тешенная, винеженная она у нас — делать ничего не умеет.

Так с одним женихом, с другим поговорили. А женихи как услышат такие речи — прочь, да подальше. Глядишь, и нет никого.

Как-то раз встретился отец белоручки на ярмарке со своим старинным приятелем, крестьянином из другого села.

Сидят они за столом, ведут разговор про то про сё.

— А что, — говорит приятель, — у тебя ведь дочь невеста, на выданье, а у меня меньшой сын жених. Может, породнимся?

— Отчего же не породниться. Породниться можно. Только уговор такой: не заставляй мою дочку работать. К работе она не приучена и ничего делать не умеет.

— А коли научится? — спрашивает отец жениха.

— Добра, — невестин отец говорит, — только не надо её заставлять, а то станет на меня обижаться.

Подумал, подумал женихов отец и говорит:

— Хорошó, давай по рукам! Пусть так.

— Ну, засылай сватов!

В скором времени принялись свадьбу играть. Целую неделю гуляли, пировали. И вот наконец свадебный пир окончился.

Свёкор рано встал и принялся распоряжаться: одного сына на работу послал, другому и третьему дело отвёл. Невестки и дочери кто куда разошлись — каждой дело нашлось. Свекровь принялась обед варить, и сам старик стал на дворе что-то мастерить. Одна молодая невестка сидит в хате, ничего не делает. Никто ей ничего не сказал, и она ни у кого ничего не спрашивала. Сидит себе и сидит. Когда пришло время обедать, вся семья собралась, сели за стол. Свёкор стал спрашивать:

— Ну, рассказывайте, кто чего делал?

И каждый отвечал, только старшая дочь молчит, ничего не говорит. Отец к ней:

— А ты, доню?

— Я, тату, ничего не делала, — тихонько дочь промолвила.

— А коли ничего не делала, — отец говорит, — так чего села за стол? Ведь порядок знаешь?

Дочь молча вышла из-за стола, села на лавку возле порога и сидит.

А молодую невестку никто ни о чём не спрашивает, и она вместе со всеми пообедала.

После обеда опять все разошлись кто куда. И старшая дочка, которая до обеда не работала, тоже принялась за дело. Только одна молодуха по-прежнему сидела в хате и ничего не делала.

Вечером, когда сели ужинать, старик снова стал каждого спрашивать, кто что делал. Все рассказывали. Только средняя дочь сказала:

— А я, тату, от обеда до ужина ничего не делала.

Проговорила так средняя дочь и тотчас вышла из-за стола. А молодая невестка приглядывается, прислушивается. И после ужина подсела к средней золовке:

— Что же, сердце моё, у вас тут творится?

— Такой уж у нас порядок, сестрица...— Золовка ей шепчет.— Кто ничего не делал, тому и за столом места нет.

— А чего ж меня про работу не спрашивают?

— Так ведь ты, сестрица, покуда ещё как гостья.— Золовка отвечает.— А вот как обживёшься, так и тебя станут спрашивать.

На другой день, когда все разошлись на работу, молодуха спрашивает у свекрови:

— А мне, мамо, чего делать?

— Возьми, доню, веничек,— говорит свекровь,— да подмети хату и сени.

Подмелá молодая невестка и хату и сени. А тут как раз все собрались к обеду. Сели за стол. И опять

свёкор спрашивает ка́ждого, кто и что дѣлал. Все рас­ска́зывают. Тут и молодуха заговори́ла:

— А я, тáточку, хáту да сѣни подметáла.

— А, моя́ любая! — Свёкор ей говори́т. — Я тебя́ и не спрашиваю. Зна́ю я, что ты из хоро́шего ро́да. Родители твои́ работя́щие, а ты вся в них пошла́. Зна́ю, что без дѣла сидѣть не ста́нешь, потому́ тебя́ и не спрашиваю.

Пóсле обе́да все разошлись кто куда́ на рабо́ту. Молода́я невестка спрашивает у свекро́ви:

— А мне что дѣлать?

— Возьми́, доченька, вѣдра, воды́ наноси́, а потóм корóв загони́ во двор да вмѣсте со мной подо́ишь.

Когда́ у́жинать садились, свёкор и говори́т:

— Вот какáя у нас молодуха, умница-разумни­ца: самá рабо́ту ищет. Сего́дня и по́ воду ходила, и корóв доила.

На друго́й день молодáя невестка в огоро́де полó­ла, корóв доила, хáту да сѣни подметáла. И так день за днём ко всякой рабо́те приучáлась: и обѣд вари́ть, и хлѣбы печь научи́лась, всё ста́ла по хозяйству дѣ­лать. И никто́ её не понужда́л, а все то́лько похва́ли­вали да хоро́шим примéром учи́ли.

Прошло́ недѣли две. Родители дочку вспомина́ют.

— Мне что́-то недужится, — говори́т мать, — а ты, старик, пошёл бы попровѣдал дочку. Как она́ там, в чужóм до́ме, привыка́ет, как обживáется?

— А и правда́ на́до сходи́ть, — старик отвеча́ет.



Управился со своими делами и пошёл. Пришёл и видит — что такое? Его дочка обед варит, по хозяйству управляется. Увидала отца, обрадовалась, поздоровалась, а сама опять за работу поскорее принялась. И так у неё всё споро да ладно выходит, что отец диву даётся. Потом спрашивает:

— Как тебе, доченька, тут живётся?

— Хорошó, тáточку.

— Гляжý, ты и обед варишь. Разве умеешь?

— Умею, тáточку. Да ведь у нас так, тáточку,— прибáвила дочь,— кто не работает, тот и не ест. Уж такой тут порядок.

— Ну, дítятко, у всякого хорошего хозяина свой порядок,— отвечает отец.— Мóжет быть, доченька, ты и голодом насиделась, покúда за работу-то не принялась?

— Нет, тáту, голодом меня не морили, и никто меня не принуждал, а все помаленьку учили.

— Вот и хорошó, дítятко.

Свёкор видел, как пришёл сват, но повременил заходить в хату: пусть, дескать, с дочерью с глазу на глаз поговорит. Переждал какое-то время и зашёл в хату. А гость как увидел в окно, что хозяин идёт, схватил грязную свитку, что висела у порога, и стал её чистить. Хозяин вошёл. Поздоровались сваты, и гость снова принялся свитку чистить. А хозяин и говорит:

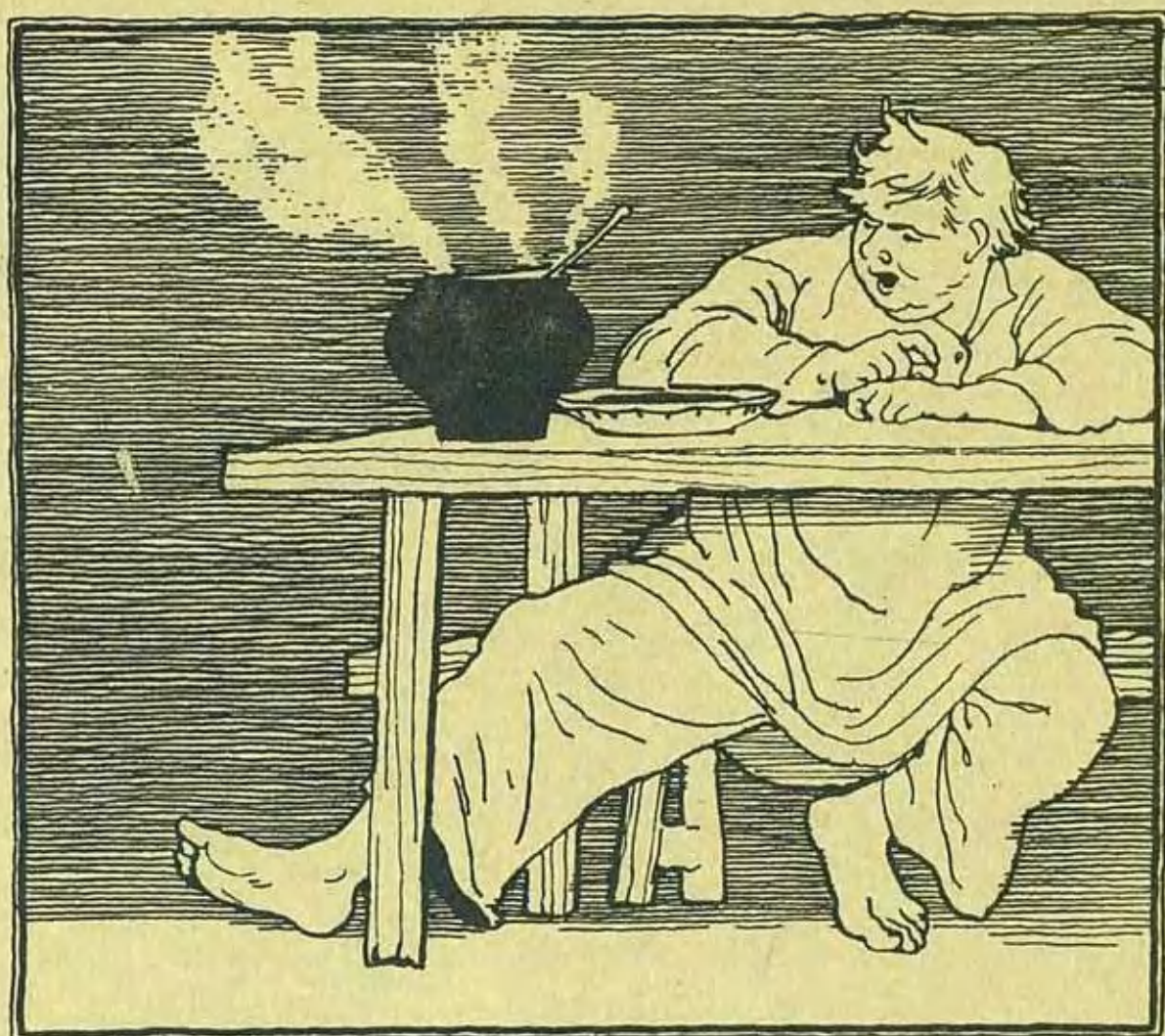
— Что это вы, свáтушка, делаете? Бросьте!

— Эгэ, сват,— гость отвечает,— хорошо так говорить. А я ещё сегодня не обедал. Зачем же стану без дела сидеть?

— Так-так, сватушка, и у меня тоже давно этот порядок, и, слава богу, всем у нас хорошо.

— В том-то и дело, сватушка, у всякого хозяина свой порядок, а если порядок хороший, так зачем же я стал бы нарушать его.





## КАК ЛОДЫРЯ РАБОТАТЬ НАУЧИЛИ

*По мотивам русского фольклора*

Так ли это было или по-другому, не знаю, а как слышал, так и рассказываю.

Жил в деревне несусветный лодырь, делать ничего не хотел, всё бы ему на боку лежать, а есть мог за семерых, да ещё и привередничал. Дадут ему шей миску и хлеба краюху, а он недоволен:

— Подава́йте пиро́г: хлеб мне не по зубáм — чёр-  
ствый.

— Да ты мака́й хлеб в щи,— сове́туют ему́.

А ло́дырь:

— А ну, ещё мака́ть!

Подава́й ему́ пирога́ — хоть ты что!

Надоёл дармоёд односельча́нам до́ смерти. Гово-  
ря́т ему́:

— Не прѣмешься за рабо́ту, уто́пим в речном  
о́муте!

— А не лень, так несѣте. Сам не пойдú.

Вздúмали односельча́не проучѣть ло́дыря. Под-  
хватѣли его́ кто за́ ноги, кто за́ руки, потащѣли к реке́  
и кѣнули в о́мут. Ушѣл ло́дырь с голово́й под во́ду,  
вынырнул и дава́й барахтаться. Бѣлся, бѣлся, никаќ  
не мо́жет из быстрѣны́ вы́браться. И тут взмоли́лся:

— Кара-у́-ул! Тону́-у!.. Спасѣ-и-те-е!

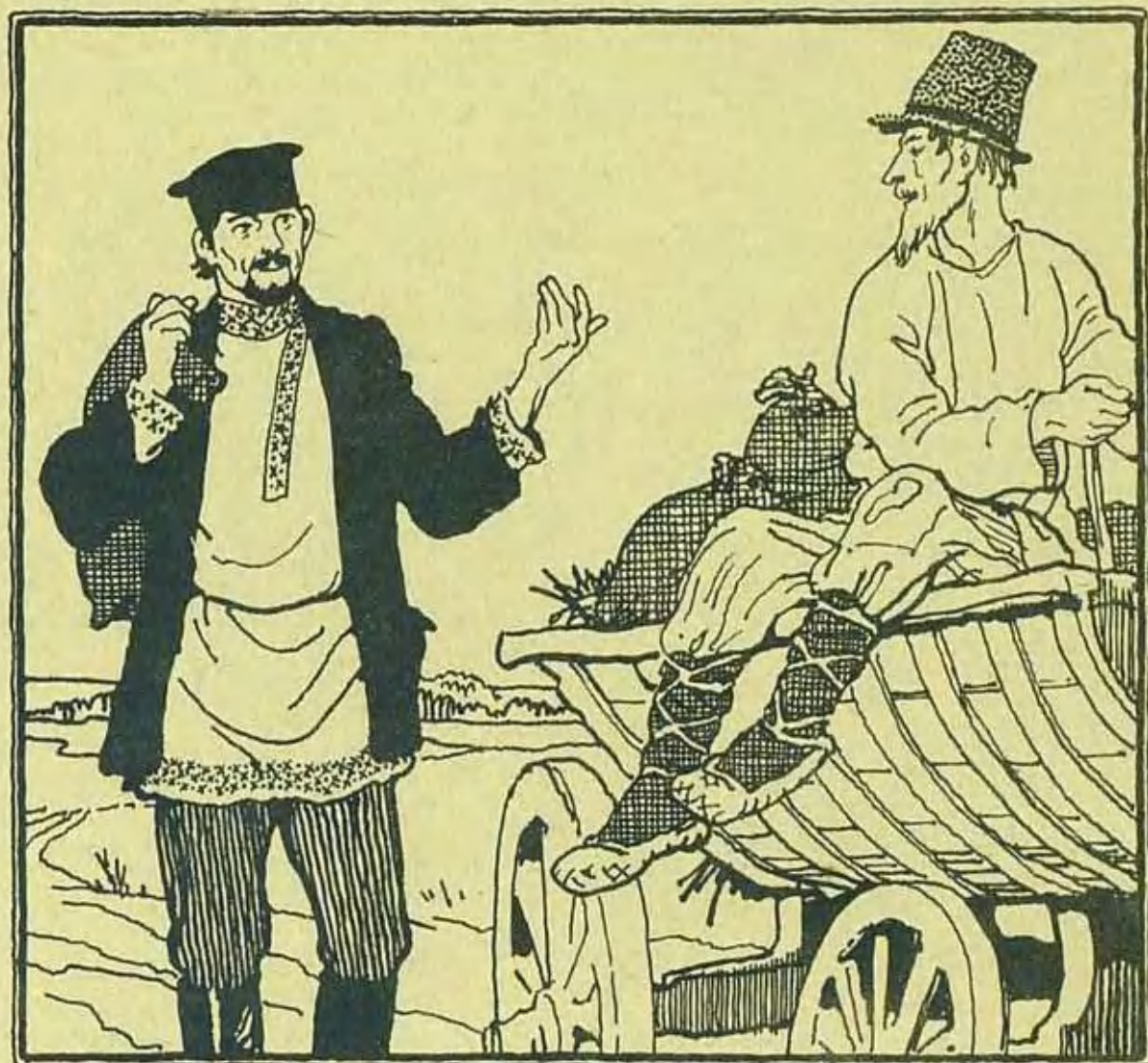
— А на сенокос пойдѣшь? — крича́т с бе́рега.

— Ой, пойдú, то́лько спасѣте!

«Ну,— дúмают сосѣди,— прѣняло на́шего лентя́я,  
мо́жет, толк бу́дет».

Вытащѣли его́.

И что вы дúмаете? С тех пор лень с него́ бу́дто  
руко́й сняло: стал рабо́тать не хúже другѣх. Пошла́  
ло́дырю нау́ка впрок.



## ДЕЛО МАСТЕРА БОИТСЯ

*По мотивах українського фольклора*

Повстречались на раздорожье мастеровой человек из села Петушки и крестьянин с возом из деревни Пивныки<sup>1</sup>.

— Здорово, земляк! Куда путь держишь, с базара иль на базар? — спросил крестьянина мастеровой

---

<sup>1</sup> Пивныки (укр.) — Петушки.

— На базár.

— Что продава́ть везёшь?

— Пшенó.

— Пшенó?

— Чему́ ты удивля́ешься?

— Как это ты сто́лько мешко́в пшенá нагото́вил?

Это ж ведь трудо́ное де́ло — прóсо обдира́ть!

— Нашёл трудо́ное! Ежели это трудо́ное, так ты трудо́ного-то и в глаза́ не видал! А ты са́м-то куда́ идёшь?

— То́же на базár.

— Покупáть аль продава́ть что?

— Продава́ть.

— Что?

— Часы́.

— А отку́да они́ у тебя́?

— Сам срабо́тал.

— Сам?

— Сам. И что из того́?

— Вот это так и впра́вду трудо́ное де́ло такую́ шту́ку из желе́за срабо́тать, что сама́ хóдит! Это ж прýмо-таки из дел де́ло.

— Ну и ничегó осóбо мудрёного в это́м нет! Нече́го его́, это́го де́ла, боя́ться!

— Ко́ль ты его́ не бой́шься, так оно́ тебя́, выхо́дит, бой́тся. Так, что ль?

— А де́ло, оно́ всегда́ рабо́чего челове́ка бой́тся.

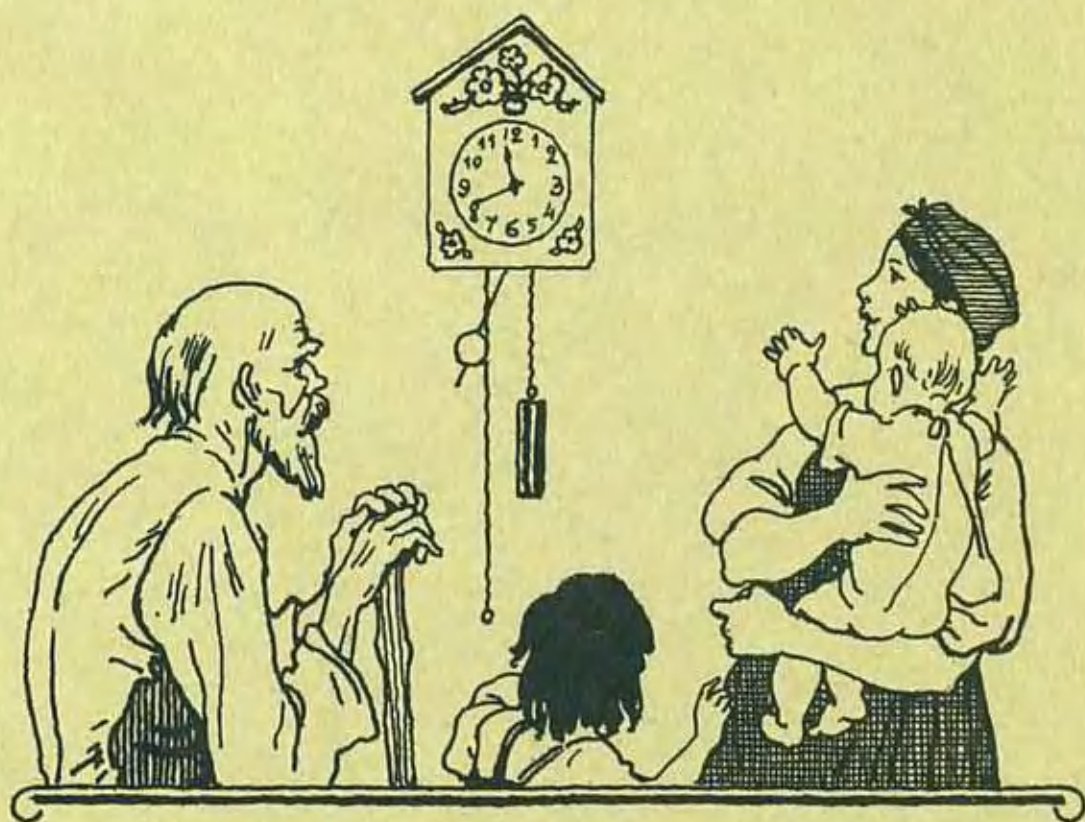
— Ну, раз оно тебя боится, значит, ты мастер своего дела — мастеровитый человек!

— Нет, это ты мастеровитый.

— Да будет тебе!.. Садись-ка лучше, подвезу.

Взобрался мастеровой человек на воз к крестьянину и говорит:

— Вот на этом спасибо!





## ПРО ЛЕНИВУЮ И РАДИВУЮ

*Русская сказка*

Были у старика со старухой две дочери. Старшая и минуты без дела не посидит. И за что ни возьмётся, всё у неё ладно выходит, всякое дело спорится.

А меньшая дочь была ленивица. Ничего делать не хотела, к тому же спесивая была, неприветливая. Что ни станет делать, всё с неохотой да кое-как.



И прозвали в народе старшую сестру Радивой, а меньшую — Ленивой. Так и пошло — Радивая да Ленивая.

Как-то раз пошла старшая сестра по воду и уронила ведро. Стало ведро относить от берега. Радивая вошла в воду и только ухватилась за дужку, как оступилась и угодила в глубокий омут.

Открыла глаза... Что такое? На песчаном дне изба стоит. Зашла в избу и видит: сидит на лавке старик. Лицо зелёное, глаза зелёные, борода зелёная — весь зелёный.

Девушка приветливо поздоровалась со стариком, поклонилась ему в пояс.

— Чья ты? — спрашивает Зелёный старик. — Откуда?

— Из деревни, что на берегу. Пришла по воду, обронила ведро, стала доставать да оступилась и вот сюда попала.

— Ну, садись, отдохни, незваная гостья!

А девушка видит: в избе не прибрано, холодно. Взяла веник, подмела избу, прибрала, печь затопила. Потом спрашивает:

— Может, ещё чего сделать?

— Экая трудница-работница! Ступай-ка коз подои.

Взяла девушка подойник и пошла. Сперва в хлеву прибрала, сухой соломы козам постелила, копыта и вымя у них тёплой водой помыла. Потом стала доить

да всё ласково приговаривала: «Стойте, козоньки, стойте, матушки!»

Молоко процедила, принесла, на стол поставила. А Зелёный старик шаст в хлев. Спрашивает у коз:

— Не обидела ли вас девица?

— Век бы с такой хозяйкой жить да радоваться! Заботливая, ласковая!

Воротился он в избу, налил чашку молока, подаёт Радивой:

— Выпей! Не простое это молоко, а волшебное.

Выпила девица молока и стала такая красавица, что не вздумать, не взгадать, только в сказке рассказать.

— А это вот тебе подарок,— подал ей старик шкатулку,— дома откроешь!

Поблагодарила Радивая Зелёного старика и только вышла из избы, как очутилась на берегу, а рядом и ведро стоит. Зачерпнула воды и пошла домой. А дома, лишь через порог переступила, отец с матерью и меньшая сестра глядят на неё во все глаза, наглядеться не могут.

— Ай, батюшки! Какая ты стала красавица! — говорила мать. — Расскажи, поведай нам, что с тобой приключилось?

Радивая рассказала, как она побывала у Зелёного старика в гостях, и открыла шкатулку, что ей старик подарил. И только открыла, как все так и ахнули. В шкатулке и душегрёя парчовая, собольями

отороченная, и сарафан атласный, и башмаки с серебряными пряжками, и жемчуг скатный, и кошелек с золотом.

Увидела это Ленивая, и глаза у неё разгорелись, ногой топнула:

— Я тоже достану себе приданое у Зелёного старика!

И побежала на берег. Прибежала, бросила ведро в воду и сама вслед. Только ухватила ведро, как оступилась и оказалась в омуте. Зашла в избу, не поздоровалась, села на лавку и говорит Зелёному старику:

— Я за подарком пришла!

— Сперва надо тебе коз подоить, а уж после и о подарке поговорим,— сказал Зелёный старик.

С неохотой пошла Ленивая. В хлеву раз, другою вилами в солому ткнула, коз пинками в угол загнала. Подоила кое-как, молока не процедила, принесла в избу, поставила подойник на стол.

А Зелёный старик пошёл в хлев и спрашивает коз:

— Как девица прибиралась? Как доила?

— Сам видишь, как прибиралась! Стоим в грязи по колёно. Ногами нас пинала, а доила как попало.

Воротился старик в избу, а Ленивая ему:

— Давай скорее подарок! Я дам тебе тороплиously.

Налил старик чашку молока:

— Пей!

Выпила Ленивая и сразу стала дурнушкой: нос

вытянулся и загнулся крючком, кожа пожелтела, брови клочьями повисли.

Подавал старик ей шкатулку, точь-в-точь такую же, как и Радивой.

Ленивая схватила шкатулку, со стариком не простилась, побежала домой.

А дома в ту пору никого не случилось: ни матери, ни отца, ни старшей сестры. Ленивая, как только порог переступила, тотчас шкатулку открыла, да так и обмерла.

В шкатулке были одни только угли да зола.





## КТО ЛУЧШЕ!

*Белорусская сказка*

Начинается сказка. Кому неведома, пусть узнает, а кто слыхал, тому и в другой раз послушать не во вред.

Ехал пан по дороге. Развалился в бричке, тяжёлый, круглый, не подходí — ва́жный какóй. По сторонам гляди́т, посви́стывает:

— Гей, гей! С дорóги! Еду я, еду, из сáмого гóрода на мéльницу! За меня мéльник цéлый рубль серебром отвалíл!

Кто бы, вы дúмали, это кичíлся, в брíчке по дорóге раскáтывал?

Да то Жёрнов был. Его мéльник в гóроде купíл, на нóвую мéльницу вёз.

Ехал пан Жёрнов, живóт свой крúглый, кáменный вы́пятил, ну прóсто вельмóжа! И на мéльника покрíкивает:

— Давáй погоняй! Нéчего мéшкать! Уж тóлько я на мéльницу попадú, там закручúсь, заверчúсь!..

А мéльник его не слúшает, сво́ими дúмами зáнят, лóшадь не торóпит, она́ самá гру́нью<sup>1</sup> бежít.

Едет мéльник, соображáет:

«Жёрнов-вёрхник я купíл, тепёрь нáдо бúдет для него хорóший постáв — нíжник — найтí».

Вдруг колесó у брíчки с хóду обо чтó-то удáрилось, да так, что в грудí у пáна Жёрнова кóсточки хрúстнули. Вот как брíчка стúкнулась.

Посмотрéли, а то придорóжный кáмень. Лежít у сáмой дорóги — большúщий, цéлая глы́ба. По грудь в зéмлю ушёл, кругóm травóй зарóс.

— Ах ты деревénщина! — закричáл с брíчки пан Жёрнов. — Ты тут без дéла валяешься, бокá пролёживаешь, а меня́ из гóрода везúт с почётом, с колокóль-

---

<sup>1</sup> Грунь; груна́ — бег лóшади, мáлая рысь.

чиками! И ты ещё смеешь под колёса мне лезть да останавливать!

А мельник на зёмлю слез, оглядёлся: «Вот незадача! Самая б малось, и колесó поломáл!»

Постоял мельник, поглядёл на камень, а потом и говорит:

— Подумать только! Жёрнов-вёрхник я за рубль серебром купил, а Жёрнов-нижник сам пришёл! Ведь из камня этого придорожного отличный поста́в вы́дет! Только ру́ки приложитъ! И верно в наро́де рассужда́ют: «Нет худа без добра!»

Призва́л мельник ма́стера. Обошли они́ придорожный ка́мень, осмотрели.

Говорит ма́стер:

— Из этого ка́мня отличный поста́в изгото́вить мо́жно.

И изгото́вил. Доста́вили жерновá на мельницу, прилади́ли, и зарабо́тали они́.

Жёрнов-нижник муку́ ме́лет, радуется, а пан Жёрнов, тот, что вёрхником был, шумит, вёртится, успоко́иться не мо́жет:

— Ну что, деревёнщина, тепе́рь ты по́нял, кто гла́вный, кто наверху́, кто муку́ ме́лет?

А Жёрнов-нижник в отве́т помалкивает.

А пан Жёрнов не умолка́ет.

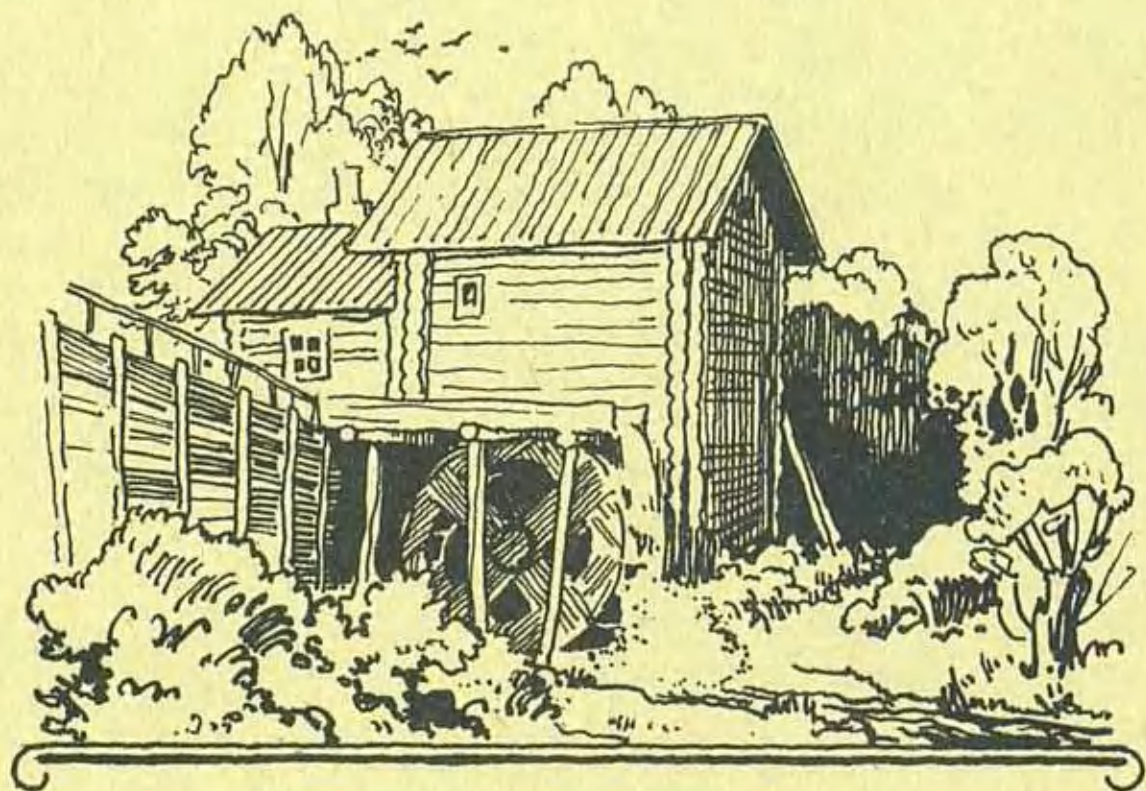
— Я,— говорит,— из го́рода привезён! За меня́ рубль серебром пла́чен, а ты в по́ле валя́лся! Меня́ в бри́чке везли́, а тебя́ на волáх тащи́ли. Я вверху́,

а ты внизú. Куда тебе, мужикú, со мной, пánом Жёрновом, равняться!

Шумёл, шумёл он так, пока не трэснул и не развалился. Что дéлать? Как ни горевáл мéльник, пришлóсь взять пáна Жёрнова и вон вы́кинуть. Да и что от него остáлось? Одни о́сколки негóдные.

А молчаливый поста́в дождался, когда мéльник нóвый жёрнов-вёрхник купил, и давай́ вмéсте с ним трудиться. Они́ по сию́ пору́ тем и зánяты — лю́дям муку́ мéлют. Мéлют и помáлкивают, потому́ что они́ дéлом зánяты.

А мы за труд не почтём и вмéсто них лю́дям правду ска́жем. Ведь вот как в жízни получа́ется: не в том суть, отку́да ты приéхал, а то ва́жно, кто ты сам тако́в!







## КОРОЛЬ-ПОДПАСОК

*По мотивам польского фольклора*

Жил-был когда-то мужичок, по имени Бурачок. Не силой силен был, а умом, не хитростью, а справедливостью. Одним словом, из крестьян крестьянин, из простых простой, вот он какой. Кто обижен — к нему; кто заносчив — прочь идет: такому лучше с мужичком Бурачком не встречаться. Он и рассудит, и

оса́дит, а ко́ли на́до, и в лу́жу поса́дит. Потóм наро́д не забúдет, век смея́ться бúдет. Та́к-то.

Сидéл одním прáздничным днём мужичóк Бурачóк в корчмé<sup>1</sup> и думал думу. Ещё бы ему́ не задуматься, е́сли еди́нственная его́ дочь полюбíла королéвича, и королéвич глаз из-за неё не смыка́ет. А корóль-оте́ц гнёва́ется: королéвич и что́бы на престолюди́нке, на крестья́нской до́чери, жени́лся!

— Не быва́ть тому́! — говори́т. — Её де́ло коро́в дои́ть, рядно́ ткать, обе́д гото́вить, а не в королéвском дворце́ шелка́ми шу́рша́ть, красотóй блиста́ть, по за́лам поха́живать!

А дочь крестья́нская пла́чет, слеза́ми залива́ется:

— Оте́ц, помоги́!

И королéвич от неё не отхо́дит, про́сит.

— Без неё жить не могу́, — говори́т. — А отёц-коро́ль не то́лько жени́ться не разреша́ет, ещё в за́мке заперёть за ка́менные стéны грозíтся!

И наро́д волну́ется. Неужто мужичóк Бурачóк не помо́жет — любя́щим сердца́м соедини́ться не даст?

Вот и надумал мужичóк Бурачóк. Встал и сказа́л:

— Я не я бúду, е́сли коро́ля не одолею́ и до́чку свою́ за́муж за его́ сы́на не вы́дам, потому́ что любви́ не препя́тствовать, а помога́ть на́до. Налива́йте, друзья́, ча́рки, пейте за здра́вие жениха́ и невесты. Где коро́лю со мной, мужичко́м Бурачко́м, спо́рить. Я ко-

---

<sup>1</sup> К о р ч м а́ — тракти́р, постоя́лый двор.

го хочешь одолею! Слышали, люди, что мужичок Бурачок сказал?

А слышали то не только люди, но и сам король услышал.

Он в ту пору мимо ехал и возле корчмы у окна остановился. Как донеслись до него слова мужичка Бурачка, так он со злости затрясся, коня плетью хлестнул и скоком поскакал напрямик к старику — к старику, злomu колдуну.

Жил колдун возле болота, у самой трясины, в маленькой избушке-развалюшке.

Он короля встретил, выслушал, в избушку ушел и оттуда сладкое зелье вынес. Подал с поклоном и говорит:

— Только выпьет мужичок сладкое зелье, тотчас превратится хоть в гуся, хоть в пса — в кого пожелаешь, а человеческий облик свой не вернет, пока ты сына своего на его дочери не женишь!

Бросил король старику колдуну золотой и поскакал назад, а зелье из руки не выпускает.

Вернулся во дворец, велел мужичка Бурачка привести. А тот ничего не ведает, радуется: мол, король его сам приглашает.

— Никак, ты, собачья кровь, — сказал со злобой король, — со мной, королем, породниться хочешь?

А мужичок Бурачок не растерялся, ответил:

— Не я породниться хочу, а дети наши друг друга полюбили!

— Ну что ж,— сказа́л коро́ль,— слы́шал я твою́ похва́льбу в корчме́, что ты меня́ одоле́ть обеща́лся. Да ведь и я, твой коро́ль, не отступлю́: как сказа́л, так и бу́дет. На́ вот, вы́пей напоследок и уходи́, а там уви́дишь, узна́ешь!

Хло́пнул в ладо́ши, и поднесли́ слуги́ мужичку́ Бурачку́ сла́дкое зелье́. А коро́ль с него́ глаз не спуска́ет.

Что тут де́лать? На́ пол урони́ть, что́бы пото́м лю́ди сказа́ли, что у мужичка́ Бурачка́, то́лько ещё спор начался́, и уже́ ру́ки дрожа́т? Нет, не тако́в мужичо́к Бурачо́к! Он зелье́ взял и говори́т:

— Не бою́сь ни тебя́, коро́ль, ни зелья́ твоего́! Все́ равно́ пра́вда верх возьме́т, мужичо́к Бурачо́к своего́ добьётся!

Сказа́л так и одни́м ду́хом зелье́ вы́пил. То́лько вы́пил, коро́ль его́ и заколдова́л:

— Бۇдешь ты страши́лицем, драко́ном огнеды́шащим, ненави́стным. Жить тебе́ на цепи́ в за́мке, да, ма́ло того́, моего́ же сы́на коро́левича сторожи́ть, что́бы он на твоёй до́чери та́йно и́ли хитростью́ не жени́лся. И, покуда́ я не пожела́ю, что́бы э́та сва́дьба бы́ла,— а ей никогда́ не быть! — не быть тебе́ мужичко́м Бурачко́м, не быть тебе́ челове́ком!

То́лько сказа́л он э́ти слова́, как гром среди́ ясного не́ба грянул и преврати́лся мужичо́к Бурачо́к в страши́лице, в Драко́на. Кры́лья распростёр, взлетёл — и прямо́ком в за́мок, на цепь дли́нную угодил, коро́левича сторожи́ть.

Котóрую ночь не спит королéвич. Ноёт его сёрдце, из глаз слёзы льются. Сторожит его стра́шный Драко́н вóзле са́мого моста́, что из за́мка ведёт; на цепи сидит, глаза́ горят, не закрыва́ются, не смыка́ются.

И как же им смыка́ться, когда́ болит душа́ у мужичка́ Бурачка́ и за до́чку свою́ любиму́ю, и за королéвича. Сидит на цепи мужичо́к Бурачо́к в обра́зе Драко́на ненави́стного, огнеды́шащего.

Да просчита́лся старик колду́н, и король просчита́лся: каки́м был мужичо́к Бурачо́к сме́лым, справедли́вым, таки́м и оста́лся. Колду́й не колду́й — то́лько по ви́ду Драко́н, а сёрдцем — пре́жний! Сидит он на цепи и то́лько о том ду́мает, как бы молоды́м помо́чь. А что́бы люде́й есть — ни-ни! Неда́ром он Бурачко́м называ́лся. При его́ бе́дности он мя́са и в глаза́ не ви́дал. Ему́ бы сейча́с похле́бки лу́ковой, бру́квы и́ли свеко́лки!..

А Драко́ну плéнного ры́царя бро́сили на съедéние! — Жри челове́чину, — говоря́т, — да сторожи́ королéвича лу́чше!

Лежи́т Драко́н, голода́ет, не сдаётся.

— Нипочём, — говоря́т, — не бу́дет по-тво́ему, по-королéвскому, а сбúдется всё, как я сказа́л, обеща́л!

Смотрéл, смотрéл на него́ королéвич, а как ночь пришла́, не удержа́лся, спроси́л:

— Что это ты, Драко́н стра́шный, меня́ сторожи́шь, кото́рые су́тки го́лодом себя́ мори́шь, ничего́ не ешь?

— Да как же мне живого человека есть! — сказал Дракон. А признаться, что он мужичок Бурачок, ему колдовство не давало. — Что я, людоед какой-нибудь? Ты только сам посуди: я люблю овощи огородные, свеженькие, яблочко из сада наливное, а меня рыцаря в латах поедать заставляют! Ты бы, королевич, сказал своей ненаглядной, чтобы она старику свеколки сахарной принесла!

— А не съешь ты мою суженую, любимую? — спросил королевич. — Обещаешь?

— Что ты, что ты! — вскричал Дракон, а сам трясётся: виданное ли дело, чтобы отец собственную дочь съел! Такого и в сказках не бывает!

Да как скажешь, что она дочь его любимая, колдовство не позволяет!

Поверил всё-таки королевич Дракону. Вот и стала по вечерам дочь мужичка Бурачка в замок ходить, сахарную свеколку Дракону носить.

Пока он свеколку ест и, на дочь глядя, слезами обливается, молодые между собой шепчутся, не нарядуются.

Прошло сколько-то дней. Видит Дракон — привик к нему королевич, словам его верит, зла не ждёт. И сказал Дракон:

— Пришла пора, королевич, от слов к делу переходить. Найди ты в замке пилу, чтобы железо пилила. И освободи меня от ошейника, от цепи тяжёлой. А уж я тебя отблагодарю.

И то правда была, крайний срок настал. Королёвский министр-то заприметил, что Дракон от человечины отказывается; тотчас побежал королю доносить.

— Так и так,— говорит,— ваше величество. Дракон себя голодом морит, одной брюквой и свёклой питается, а пленный рыцарь до того осмелел, что у него на хвосте, как в люльке, лежит, день-деньской спит, поправляется.

Рассердился король и велел наутро к нему Дракона привести, чтобы его судьбу решить.

А в это время королёвич пилу достал и той же ночью Дракона от тяжёлой цепи и от ошейника освободил.

Полетел Дракон к дворцу, короля, королеву и их дочь единственную, сестру королёвича, как были они сонные, схватил, с ними в небо поднялся и понёс быстрее ветра за леса, горы, в неизвестные страны.

Ну и чудеса! Оказались король вместе с супругой своей, с дочерью в чуждальной стороне, в не своём царстве, в одних рубάхах ночных: ни тебе власти, ни слуг, ни денег, не то что золотых или серебряных, гроша ломаного, медного и того нет! Ну как быть? Как жить?

И жена-королева злится. Дочь рыдает... Хоть сам плачь! А Дракон исчез.

Пошёл король на работу наниматься. А его никто не берёт. Ещё бы! Что ни спросят, ничего-то он делать

не умеет! Только что повелевать. Так ведь эта работа нынче не в цене!

Пришлось королю-отцу наравне с тамошними, с деревенскими мальчишками, в подпаски пойти. Пасёт он овец, за день вон как избегается, а ведь сам-третей. Уж о каких деньгах мечтать, только бы три ломтя хлеба заработать да похлёбки!

Однажды хлебали король с королевой и дочерью своей эту похлёбку, а в ту пору мимо них здешнего царя сын ехал. Увидел он королевскую дочь — влюбился. Ему жениться порá, ему принцесс сулят, королевских дочерей, царских, а он одно твердит:

— Никого не надо! Только одну люблю, что со своим отцом, подпаском, похлёбку в деревне хлебает!

Царь просто с ног сбился: уговаривал, уговаривал, кричал, гневался — скипетром ему грозил и державой! А сын ни в какую.

— Подавайте, — говорит, — ту, или я не царский сын?! Или моё слово не слово?

Что делать? Видит царь — сын твёрд. Послал своего министра к королю-подпаску, дочь его сватать. А подпасок-то вдруг и говорит:

— Я бы не против за вашего царевича дочку выдать, да, сказать по правде, заголодались мы очень, так вот и хотел я спросить, царевич-то ваш как, ремесло какое-нибудь знает?

Удивился министр.



— Ты в своём ли умé, старикъ? — говоритъ.— Какое ещё царевичу ремесло́ знать надо? Ему́ царством владеть предстоит, а ты плетёшь несурáзицу!

— Э-э, мильный мой! — сказалъ король-подпáсок.— Насчёт царства ты мне не говори. А только знай, что, пока́ царевич ваш мастерство́ какое ни на есть не изучит, до тех пор я за него́ дочь не отдам.

Вернулся в царский дворецъ министр, доложилъ, а там руками развелí. Ну и ну! Казáлось бы, подпáсок-старик от счастья не знаемо как радоваться должен, а он — подумайте только! — ещё условия какие-то выставяет! Пошёл министр к королё-подпáску в друго́й раз. А тот опять своё:

— Пока́ царский сын мастерство́ не изучит, дочь за него́ не отдам!

Пришлось, дéлать нечего, царскому сыну за дéло принимáться.

Походил он по гóроду, посмотрёл, зашёл в кúзницу — видит, кузнéц молотом поигрывает. Ну, мóлод был царевич, силён, да любóвь им завладéла, а ради неё чего́ не сделаешь! Вот и научился он, хотя́ и не-многому, а научился подкóвки ковать.

Отобрáл ту, что полúще, и понёс царский министр её королё-подпáску, подал в рúки и говоритъ:

— Вот оно́, мастерство́ царевича нашего!

Оглядёл король-подпáсок подкóвку, усмехнулся:

— Если на базáре продавать, почём за неё запла́тят?

— Царя́м — беспла́тно, — сказа́л мини́стр, — а с теб́я ме́ньше пятака́ не возьму́т!

— И то де́ло! — сказа́л коро́ль-подпа́сок. — Царе́вич, он молодóй, за день, ко́ли пона́добится, ско́лько их вы́ковать смо́жет! Ну, мини́стр, вида́ть, царе́вич ваш челове́ком стал. Тепе́рь и я согла́сен! Сыгра́ем сва́дьбу.

А когда́ о́ни во дворе́ц прие́хали, коро́ль обо все́м, что с ним случи́лось, царю́ и рассказа́л. А уж тот на ра́достях, что сын его́ на настоя́щей короле́вской до́чери же́нится, тут же по́сле сва́дьбы снаряди́л молоды́х и коро́ля с короле́вой в доро́гу и отпра́вил за го́ры, за леса́ — в страна́, отку́да коро́ля Драко́н унёс.

То́лько туда́ прие́хали, коро́ль-оте́ц прямико́м в за́мок. И что же он ви́дит... Во́зле ба́шни влюблённые сид́ят: сын его́ родно́й и дочь мужичка́ Бурачка́, шепчутся, друг на дру́га не нагляд́ятся, а на мосту́ Драко́н лежи́т и споко́йно са́харную свекóлку пожёвыва́ет.

Подбежа́л к ним коро́ль. А молоды́е с мест повскака́ли.

— Оте́ц, оте́ц! — сказа́л короле́вич. — Мы теб́я ждём не дождёмся! Неужто ты в тако́й све́тлый день нас не пожале́ешь, не благослови́шь?

А Драко́н оди́н глаз прищу́рил, сказа́ть не мог, так про себя́ подумал: «Где коро́лю со мной, мужичко́м Бурачко́м, спо́рить!»

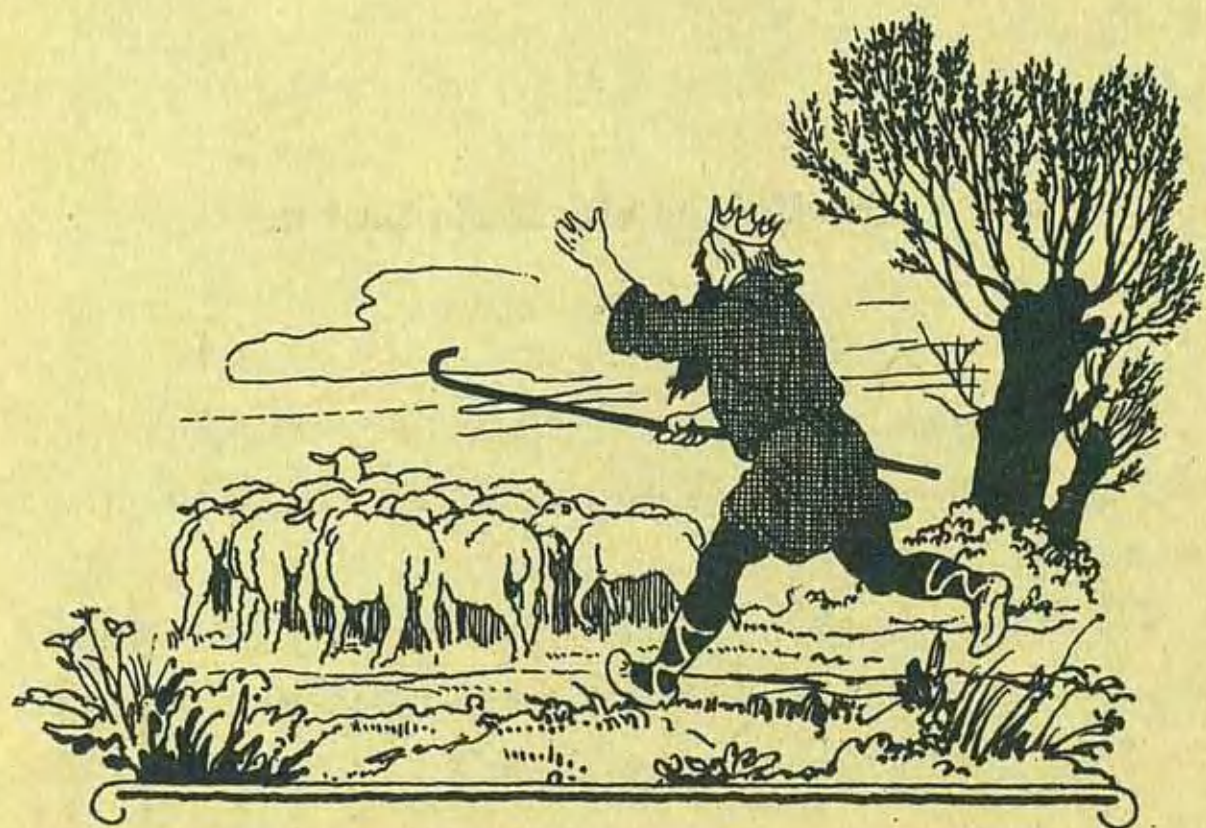
Тут коро́ль запла́кал на ра́достях и говори́т:

— Де́ти мои́ ми́лые! Люби́те друг дру́га. По́жил

я на свете и понял — королём-то не плохо быть, а в наше время мастерство-ремесло каждому человеку знать надо. Случись беда — будет тебе, сыночек, крестьянская дочь в помощь: она и коров доить умеет, и обед сготовит, а коли надо мастерством отличиться, и пряжу спрядёт и рядно соткёт. Благословляю вас! Женитесь!

Только сказал это, как вдруг гром среди ясного неба грянул. Дракон свои свекёлки сахарные жевать бросил и... превратился как был в мужичка Бурачка.

Тут свадьбе начало и сказке конец.





## ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

*Славянская сказка*

Знаешь ли ты, сколько месяцев в году?

Двенадцать.

А как их зовут?

Январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль,  
август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Только окончится один месяц, сразу же начи-

нается друго́й. И ни ра́зу ещё не бывало так, что́бы февраль пришёл ра́ньше, чем уйдёт январь, а май обогна́л апрель.

Ме́сяцы иду́т оди́н за друго́м и никогда́ не встреча́ются.

Но лю́ди рассказывают, бу́дто в го́рной стране́ Богéмии была́ де́вочка, кото́рая ви́дела все двена́дцать ме́сяцев сра́зу.

Как же э́то случи́лось?

А вот как.

В одной ма́ленькой дере́вшке жи́ли злая́ и скупая́ же́нщина с до́чкой и па́дчерицей. До́чку она́ люби́ла, а па́дчерица ничём ей не могла́ угоди́ть. Что ни сде́лает па́дчерица — всё не так; как ни поверне́тся — всё не в ту сто́рону.

До́чка по це́лым дням на перине валя́лась да пря́ники е́ла, а па́дчерице с утра́ до́ ночи и присе́сть неко́гда бы́ло: то воды́ ната́скай, то хво́росту из лесу́ привези́, то белье́ на ре́чке вы́полощи, то грядки в огоро́де вы́поли.

Зна́ла и зи́мний хо́лод, и ле́тний зной, и весе́нный ве́тер, и осе́нный дождь. Потому́-то, мо́жет, и довелось ей одна́жды уви́деть все двена́дцать ме́сяцев ра́зом.

Была́ зима́. Шёл январь ме́сяц. Сне́гу намело́ сто́лько, что от дверей е́го приходи́лось отгребать ло́патами, а в лесу́ на горе́ дере́вья стоя́ли по по́яс в сугро́бах и да́же кача́ться не могли́, когда́ на них налетал ве́тер.

Люди сидели в домах и топили печи.

В такую-то пору, под вечер, злая мачеха приоткрыла дверь, поглядела, как метёт вьюга, а потом вернулась к тёплой печке и сказала падчерице:

— Сходила бы ты в лес да набрала там подснежников. Завтра сестрица твоя именинница.

Посмотрела на мачеху девочка: шутит она или вправду посылает её в лес? Страшно теперь в лесу! Да и какие среди зимы подснежники? Раньше марта месяца они и не появятся на свет, сколько их ни ищи. Только пропадёшь в лесу, увязнешь в сугробах.

А сестра говорит ей:

— Если и пропадёшь, так плакать о тебе никто не станет! Ступай да без цветов не возвращайся. Вот тебе корзинка.

Заплакала девочка, закуталась в рваный платок и вышла из дверей.

Ветер снегом ей глаза порошит, платок с неё рвёт. Идёт она, еле ноги из сугробов вытягивает.

Всё темнее становится кругом. Небо чёрное, ни одной звездочкой на землю не глядит, а земля чуть посветлее. Это от снега.

Вот и лес. Тут уж совсем темно — рук своих не разглядишь. Села девочка на поваленное дерево и сидит. «Всё равно, — думает, — где замерзать».

И вдруг далеко, меж деревьев, блеснул огонёк — будто звезда среди ветвей запуталась.

Поднялась девочка и пошла на этот огонёк. Тонет

в сугрѡбах, чѣрез бурелѡм перелезает. «Тѡлько бы,— думает,— огонек не погас!» А он не гаснет, он все ярче горит. Уж и тёплым дымком запахло, и слышно стало, как потрескивает в огнѣ хворост.

Дѣвочка прибавила шагу и вышла на полянку. Да так и замерла.

Светло на полянке, точно от солнца. Посреди полянки большой костер горит, чуть ли не до самого неба достаёт. А вокруг костра сидят люди — кто поближе к огню, кто подальше. Сидят и тихо беседуют.

Смѡтрит на них дѣвочка и думает: кто же они такие? На охотников будто не похожи, на дровосѣков ещё того меньше — вон они какие нарядные: кто в серебрѣ, кто в золоте, кто в зелёном бархате.

Стала она считать, насчитала двенадцать: трѡе старых, трѡе пожилых, трѡе молодых, а последние трѡе — совсем мальчики.

Молодые у самого огня сидят, а старики — поодаль.

И вдруг обернулся один старик — самый высокий, бородатый, бровастый, — поглядѣл в ту сторону, где стояла дѣвочка.

Испугалась она, хотѣла убежать, да поздно. Спрашивает её старик громко:

— Ты откуда пришла? Чего тебе здесь нужно?

Дѣвочка показала ему свою пустую корзину и говорит:

— Ну́жно мне набра́ть в э́ту корзи́нку подсне́жников.

Засмея́лся стари́к:

— Э́то в январé-то подсне́жников? Вон что вы́думала!

— Не я вы́думала,— отве́чает де́вочка,— а при́слала меня́ сюда́ за подсне́жниками моя́ ма́чеха и не ве́лела мне с пусто́й корзи́нкой домо́й возвра́щаться.

Тут все двена́дцать погляде́ли на не́е и ста́ли ме́жду собо́й перегова́риваться.

Стои́т де́вочка, слу́шает, а слов не понима́ет, бу́дто э́то не лю́ди разгова́ривают, а дере́вья шумя́т.

Поговори́ли о́ни, погово́рили и замо́лчали.

А вы́сокий стари́к о́пять оберну́лся и спра́шивает:

— Что же ты де́лать бу́дешь, е́сли не найдёшь подсне́жников? Ве́дь ра́ньше ма́рта ме́сяца о́ни и не вы́глянут.

— В лесу́ оста́нусь,— говори́т де́вочка.— Бу́ду ма́рта ме́сяца жда́ть. Уж лу́чше мне в лесу́ замёрзнуть, чем домо́й без подсне́жников верну́ться.

Сказа́ла э́то и запла́кала.

И вдруг о́дин из двена́дцати, са́мый молодóй, ве́сёлый, в шу́бке на о́дном плече́, встал, подоше́л к стари́ку:

— Бра́тец Январь, уступи́ мне на час своё ме́сто!

Погла́дил свою́ дли́нную бо́роду стари́к и говори́т:

— Я бы уступи́л, да не быва́ть Ма́рту пре́жде Февра́ля.



— Ладно уж,— проворчал другой старик, весь лохматый, с растрёпанной бородой.— Уступй, я спорить не стану! Мы все хорошо её знаем: то у проруби её встретишь с ведрами, то в лесу с вязанкой дров... Всем месяцам она своя. Надо ей помочь.

— Ну, будь по-вашему,— сказал Январь.

Стукнул он своим ледяным посохом и заговорил:

Не трещите, морозы,  
В заповедном бору,  
У сосны, у берёзы  
Не грызйте кору!  
Полно вам вороньё  
Замораживать,  
Человечье жильё  
Выхолаживать!

Замолчал старик, и тихо стало в лесу. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег начал падать густо, большими, мягкими хлопьями.

— Ну, теперь твой черёд, братец,— сказал Январь и отдал посох меньшому брату, лохматому Февралю.

Тот стукнул посохом, мотнул бородой и загудел:

Ветры, бури, ураганы,  
Дуйте что есть мочи!  
Вихри, вьюги и бураны,  
Разыграйтесь к ночи!

В облаках трубите громко,  
Вейтесь над землею.  
Пусть бежит в полях позёмка  
Белою змеёю!

И только он это сказал, как зашумел в ветвях бурный, мокрый ветер. Закружились снежные хлопья, понеслись по земле белые вихри.

А Февраль отдал свой ледяной посох младшему брату и сказал:

— Теперь твой черёд, братец Март.

Взял младший брат посох и ударил оземь.

Смотрит девочка, а это уже не посох. Это большая ветка, вся покрытая почками.

Усмехнулся Март и запел звонко, во весь свой мальчишеский голос:

Разбегайтесь, ручьи,  
Растекайтесь, лужи,  
Вылезайте, муравьи,  
После зимней стужи!  
Пробирается медведь  
Сквозь лесной валёжник.  
Стали птицы песни петь,  
И расцвёл подснежник!

Девочка даже руками всплеснула. Куда девались высокие сугробы? Где ледяные сосульки, что висели на каждой ветке?



Под ногами у неё мягкая весенняя земля. Кругом каплет, течёт, журчит. Почки на ветвях надулись, и уже выглядывают из-под тёмной кожуры первые зелёные листочки.

Глядит девочка — наглядеться не может.

— Что же ты стоишь? — говорит ей Март. — Торопись — нам с тобой всего один часок братья мои подарил.

Девочка очнулась и побежала в чащу подснежники искать. А их видимо-невидимо! Под кустами и под

камнями, на кóчках и под кóчками — куда ни поглядишь. Набрала она пóлную корзину, пóлный передник — и скорее опять на полянку, где костёр горел, где двенадцать братьев сидели.

А там уже ни костра, ни братьев нет... Светло на поляне, да не по-прежнему. Не от огня, а от пóлного месяца, что взошёл над лесом.

Пожалела девочка, что поблагодарить ей некого, и побежала домой.

А месяц за нею поплыл.

Не чуя под собой ног, добежала она до своих дверей и только вошла в дом, как за окошками опять загудела зимняя вьюга, а месяц спрятался в тучи.

— Ну что, — спросили её мачеха и сестра, — уже домой вернулась? А подснежники где?

Ничего не ответила девочка, только высыпала из передника на лавку подснежники и поставила рядом корзинку.

Мачеха и сестра так и ахнули:

— Да где же ты их взяла?

Рассказала им девочка всё, как было. Слушают они обе и головами качают — верят и не верят. Трудно поверить, да ведь вот на лавке целый ворох подснежников — свежих, голубеньких. Так и веет от них мартом месяцем!

Переглянулись мачеха с дочкой и спрашивают:

— А больше тебе ничего месяцы не дали?

— Да я больше ничего и не просила.

— Вот дура так дура! — говорит сестра. — В кои веки со всеми двенадцатью месяцами встретила, а ничего, кроме подснежников, не выпросила! Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного — яблок да груш сладких, у другого — земляники спелой, у третьего — грибов беленьких, у четвертого — свежих огурчиков!

— Умница, доченька! — говорит мачеха. — Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы их и сколько бы денег выручили! А эта дуручка подснежников натаскала! Одевайся, дочка, потеплее да сходи на полянку. Уж тебя они не проведут, хоть их двенадцать, а ты одна.

— Где им! — отвечает дочка, а сама — руки в рукава, платок на голову.

Мать ей вслед кричит:

— Рукавички надень, шубку застегни!

А дочка уже за дверью. Убежала в лес.

Идёт по сестриным следам, торопится. «Скорее бы, — думает, — до полянки добраться!»

Лес всё гуще, всё темней, сугробы всё выше, бурелом стеной стоит.

«Ох, — думает мачехина дочка, — и зачем только я в лес пошла! Лежала бы сейчас дома в тёплой постели, а теперь ходи да мерзни! Ещё пропадёшь тут!»

И только она это подумала, как увидела вдалеке огонёк — точно звездочка в ветвях запуталась.

Пошла она на огонёк. Шла, шла и вышла на полянку. Посреди полянки большой костёр горит, а вокруг костра сидят двенадцать братьев, двенадцать месяцев. Сидят и тихо беседуют.

Подошла мачехина дочка к самому костру, не поклонилась, приветливого слова не сказала, а выбрала место, где пожарче, и стала греться.

Замолчали братья-месяцы. Тихо стало в лесу. И вдруг стукнул Январь месяц посохом о землю.

— Ты кто такая? — спрашивает. — Откуда взялась?

— Из дому, — отвечает мачехина дочка. — Вы нынче моей сестре целую корзинку подснежников дали. Вот я и пришла по её следам.

— Сестру твою мы знаем, — говорит Январь месяц, — а тебя и в глаза не видали. Ты зачем к нам пожаловала?

— За подарками. Пусть Июнь месяц мне земляники в корзинку насыплет, да покрупней. А Июль месяц — огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август — яблок да груш сладких. А Сентябрь месяц — орехов спелых. А Октябрь...

— Погоди, — говорит Январь месяц. — Не бывать лету перед весной, а весне — перед зимой. Далекó ещё до июня месяца. Я теперь в лесу хозяин, тридцать один день здесь царствовать буду.

— Ишь какой сердитый! — говорит мачехина дочка. — Да я не к тебе пришла. От тебя, кроме снега да

інея, нічогó не дождёшься. Мне лётних мёсяцев на́до.

Нахму́рился Янва́рь мёсяц.

— Ищи́ лёта зимо́й! — говори́т.

Махну́л он ширóким рукаво́м, и подняла́сь в лесу́ метель от земли́ до не́ба — заволокла́ и дере́вья и поля́нку, на кото́рой бра́тья-мёсяцы сидели́. Не ви́дно ста́ло за сне́гом и костра́, а то́лько слы́шно бы́ло, как свисті́т где́-то огóнь, потрэскивает, полыха́ет. Испуга́лась ма́чихина до́чка.

— Переста́нь! — кричи́т. — Хва́тит.

Да где там!

Кружи́т её метель, глаза́ её слепи́т, дух пере-хва́тывает. Свали́лась она́ в сугро́б, и замело́ её сне́гом.

Ждала́-ждала́ ма́чиха свою́ до́чку, в око́шко смотре́ла, за дверь выбега́ла — нет её, да и то́лько. Заку́талась она́ потепле́е и пошла́ в лес. Да ра́зве найдёшь ко́го-нибудь в ча́ще в такую́ метель и те́мень!

Ходи́ла она́, ходи́ла, иска́ла-иска́ла, пока́ и сама́ не замёрзла.

Так и оста́лись они́ о́бе в лесу́ лёта ждать.

А па́дчерица до́лго на све́те жи́ла, больша́я ви́росла, за́муж ви́шла и дете́й ви́растила.

И был у неё, расска́зывают, вокру́г до́ма сад, да тако́й чуде́сный, како́го и свет не ви́дывал. Ра́ньше, чем у всех, расцвета́ли в э́том саду́ цветы́, поспева́-

ли ягоды, наливались яблоки и груши. В жару было там прохладно, в метель тихо.

«У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят!» — говорили люди.

Кто знает, может, так оно и было.





## СОДЕРЖАНИЕ

ВАНЮШКА И ЦАРЕВНА. Русская сказка. <i>Запись и обработка Н. Колпакóвой</i> . . . . .	3
КОБЫЛЯ ГОЛОВА. Русская сказка. <i>В обработке А. Н. Толсто́го</i> . . . . .	10
СЛИВЫ ЗА СОР. Болга́рская сказка. <i>Перевод и обработка М. Туберóвского</i> . . . . .	13
КУЗНЕЦ И КРЫЛАТЫЙ ЗМЕЙ. Украинская сказка. <i>Перевод и обработка О. Рома́нченко</i> . . . . .	16
ХОРОШИЙ ПОРЯДОК. Украинская сказка. <i>Перевод и обработка А. Неча́ева</i> . . . . .	18
КАК ЛОДЫРЯ РАБОТАТЬ НАУЧИЛИ. <i>По мотивам русского фольклора рассказал А. Неча́ев</i> . . . . .	25
ДЕЛО МАСТЕРА БОИТСЯ. <i>По мотивам украинского фольклора рассказала И. Воробье́ва</i> . . . . .	27
ПРО ЛЕНИВУЮ И РАДИВУЮ. Русская сказка. <i>В обработке А. Неча́ева</i> . . . . .	30
КТО ЛУЧШЕ? Белору́сская сказка. <i>Перевод и пересказ В. Важдáева</i> . . . . .	35
КОРОЛЬ-ПОДПАСОК. <i>По мотивам польского фольклора рассказал В. Важдáев</i> . . . . .	39
ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ. <i>Славянская сказка. С. Маршак</i> . . . . .	50

73565  
~~8835~~

Для начальной школы

ПРО ЛЕНИВЫХ И РАДИВЫХ

*Сказки славянских народов*

Ответственный редактор *Г. В. Кузнецова*

Художественный редактор *Е. М. Гуркова*

Технический редактор *О. Г. Чеботкевич*

Корректоры *Л. М. Короткина* и *Э. Н. Сизова*.

Сдано в набор 16/1 1970 г. Подписано к печати 13/III 1970 г. Формат 60×92<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Печ. л. 4. (Уч. изд. л. 2.31). Тираж 150 000 экз. ТП 1970 № 608.

Цена 8 коп. на бум. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 91.



100 =

Цена ~~8~~ коп.